

Журнал «Мировые цивилизации» / Scientific journal «World civilizations» <https://wcj.world>

2023, №3, Том 8 / 2023, No 3, Vol 8 <https://wcj.world/issue-3-2023.html>

URL статьи: <https://wcj.world/PDF/04IAMZ323.pdf>

Ссылка для цитирования этой статьи:

Левчик, Д. А. Восстание в Старой Руссе 1831 года (т.н. «холерный бунт») как высшая стадия пандемииодиссидентского революционного движения XIX века в России / Д. А. Левчик // Мировые цивилизации. — 2023 №3. — URL: <https://wcj.world/PDF/04IAMZ323.pdf>.

For citation:

Levchik D.A. The uprising in Staraya Russa in 1831 (the so-called "cholera riot") as the highest stage of the pandemic dissident revolutionary movement of the XIX century in Russia. *World civilizations*. 2023; 3(8): 04IAMZ323. Available at: <https://wcj.world/PDF/04IAMZ323.pdf>. (In Russ., abstract in Eng.).

УДК 930.1

Левчик Дмитрий Александрович

АНО ВО «Университет мировых цивилизаций имени В.В. Жириновского», Москва, Россия

Факультет международных отношений и геополитики

Профессор кафедры мировой политики и межкультурного развития

Доктор исторических наук

E-mail: levchik63@rambler.ru

Восстание в Старой Руссе 1831 года (т.н. «холерный бунт») как высшая стадия пандемииодиссидентского революционного движения XIX века в России

Аннотация. Актуальность настоящей статьи определяется необходимостью тщательно оценить механизм складывания революционной ситуации в России в начале XX века, реинтерпретировать традиционный подход к изучению предпосылок революции 1917 года базирующийся, к сожалению, на утопической идее о том, что эта революция была следствием развития «дворянского, разночинного и пролетарского этапов» революционного движения в России. Кроме того, необходимо ещё раз презентовать научному сообществу нашу гипотезу о существенной роли пандемииодиссидентского революционного движения в истории России и его значимого вклада в борьбу с царизмом. Целью статьи выступает анализ восстания в Старой Руссе в 1831 году (т.н. «холерного бунта») как высшей стадии пандемииодиссидентского революционного движения в России в XIX веке. Задачи статьи: дать тщательное эмпирическое описание восстания в терминологии нашей новой концепции, говорящей о наличии в нашей стране в XIX веке пандемииодиссидентского движения как составной части революционного движения и как проявления борьбы масс за права пациентов, а также за личные права; провести сравнительный анализ показателей восстания пандемииодиссидентов в Старой Руссе в 1831 году и самых известных восстаний XIX – начала XX веков в России, что позволяет сделать выводы о степени значимости пандемииодиссидентского движения. В работе были использованы методы кейс-стади и реинтерпретация опубликованных данных. Основной вывод статьи – Пандемииодиссидентские восстания в России в XIX веке были гораздо масштабнее восстания декабристов в 1825 году, восстания на броненосце «Потёмкин» или восстания на Пресне в 1905 году. В ходе многочисленного пандемииодиссидентского восстания контролировались значительные территории, а также создавались полномочные органы революционной власти (народный суд). Силовое подавление масштабного пандемииодиссидентского восстания было невозможно в силу перехода на сторону восставших части армии и части духовенства. Перспективой исследования видится дальнейшая реинтерпретация процесса формирования революционной ситуации в России начала XX века.

Ключевые слова: История России; пандемии; холера; революция; бунт; пандемиодиссидентство

Введение

С точки зрения марксистской методологии (а эта методология, на наш взгляд, является лучшей при объяснении причин и хода революций), каждое крупное революционное движение XIX – начала XX веков в России имело свой апогей, свою высшую стадию развития. В советской и российской историографиях, рассматривавших революционное движение того времени через призму утопической ленинской концепции о «трёх этапах революционного движения в России» [5], принято считать высшими проявлениями:

- дворянской революционности – восстание декабристов 14 декабря 1825 года;
- революционности разночинцев – убийство царя Александра II;
- пролетарской революционности до 1917 года – революцию 1905 года, в которой особо В. И. Ленин выделял восстание на броненосце «Потёмкин» и декабрьское восстание 1905 года в Москве на Пресне.

Основными критериями высшего проявления революционной активности на определённой территории принято считать:

- временной критерий, то есть относительно длительное существование территориального протестного, революционного движения;
- властный критерий – функционирование на данной территории революционного органа власти;
- количественный критерий – численность восставших.

Известно, что практика российского протестного движения в XIX веке знает такую форму как холерный бунт. Мы рассматриваем холерные бунты как составную часть русского революционного движения XIX века и уверены, что органы управления этими бунтами являются революционными органами [4]. При этом мы не используем сам термин «бунт» при описании «холерных бунтов». Ранее мы ввели в научный оборот термин «пандемиодиссидентское движение» (по аналогии с «ковидодиссидентским движением XXI века») для обозначения «холерного бунта» [3]. Мы считаем это движение ранней формой движения за права пациентов. Мы рассматриваем пандемиодиссидентское движение как составную часть борьбы масс за свои гражданские и личные права и в этом смысле и как часть революционного демократического движения. Основа социального состава этого движения: мещане и солдаты, а также в меньшей мере – крестьяне. В руководстве этого движения часто были священники, что позволяет поставить вопрос о революционности духовенства в России. И потому, несмотря на формальное отношение участников холерных бунтов к «дворянскому периоду» российского революционного движения, пандемиодиссиденты никак не могут быть названы дворянами. Введение в научный оборот новой терминологии позволяет нам реинтерпретировать вроде бы хорошо известные данные о так называемых «холерных бунтах», на самом деле – пандемиодиссидентских восстаниях.

Цель данной статьи – попытаться доказать, что пандемиодиссидентские восстания были масштабнее восстания декабристов в 1825 году или восстания на броненосце «Потёмкин» и на Пресне в 1905 году. Доказать, что в ходе пандемиодиссидентского восстания создавались полномочные органы революционной власти.

Метод для достижения данной цели – кейс-стади при реинтерпретации опубликованных данных. В качестве кейса выбираем восстание в Старой Руссе в июле 1831 года.

Задачи статьи определены целью. Первая задача – эмпирически описать восстание в Старой Руссе в 1831 году в новой терминологии нашей гипотезы о наличии в России пандемидиссидентского революционного движения, а вторая задача – провести сравнительный анализ основных характеристик этого восстания с восстанием декабристов, восстаниями на броненосце «Потёмкин» и на восстании на Пресне в 1905 году.

Основной источниковой базы для данного исследования послужили репринтные издания мемуаров свидетелей восстания 1831 года в Старой Руссе, в журнале «Русская старина» за 1874 год [8, 10]. Обращаю внимание читателей, что журнал «Русская старина» специализировался на публикации исторической мемуаристики, археографических изысканиях и публикации исторических документов. Он выходил в Санкт-Петербурге в 1870–1918 годы. До 1892 года выходил под редакцией умеренно либерального историка и политика М. И. Семевского. Это сказывалось на подборе материалов, в том числе объективно антикрепостнического характера. Мемуары А. Ф. Ушакова и Н. М. Пирошкова, свидетелей событий в Старой Руссе в 1831 году, относятся именно к либеральным публикациям «Русской старины».

При написании статьи мы опирались также на фундаментальные исследования историка конца XIX века А. Г. Слздкинского [9] и советского исследователя С. Я. Гессена [2] о холерных бунтах, содержащих огромный эмпирический материал. Главным достоинством российской и советской историографии холерных бунтов является большой объём фактического материала о холерных бунтах. Главным недостатком – представление этих социальных движений как нелепых мужицких и солдатских бунтов. При этом советская историческая наука искусственно «втискивала» т.н. «холерные бунты» в знаменитую утопическую ленинскую концепцию «трёх этапов революционного движения» в России.

В качестве дополнительных источников необходимой для нашего исследования сравнительной информации о восстании декабристов и восстаниях 1905 года на Пресне и на «Потёмкине» использовались работы М. В. Нечкиной, Ю. П. Кардашова, А. С. Вальдина [1, 6, 7].

Основная часть

Ранее нам доводилось отмечать, что «в 1831 году в военных заседаниях Новгородской губернии началась эпидемия холеры. Лечить её тогда не умели, точнее, лечили «окуриванием» хлоркой (что усугубляло ситуацию, так как провоцировало бронхолёгочные заболевания и увеличивало смертность), локдауном и самоизоляцией. Холерный карантин в новгородских условиях означал полное разорение и так небогатого хозяйства солдат-крестьян. При этом издевательства над солдатами начинали носить массовый характер. Их обзывали «окуривать» дома, выгоняли из них, держали на улице, пока не «вымрет» в доме холера. Естественно, холера от этого не умирала. И народ не выдержал. Восстал. Фактически выдвинув пандемидиссидентские требования о прекращении нелепых, якобы, противоэпидемиологических мер. Первым на борьбу за личные права выступил военно-рабочий батальон под руководством поручика Соколова. Это случилось 22 июля 1831 года. Армейских пандемидиссидентов поддержали горожане Старой Руссы, 23 июля ударили в «набат» [3, с. 124].

Ход восстания, согласно источникам, был следующий:

1. 22 июля 1831 года.
 - a. Атака восставших пандемидиссидентов на полицейский участок, что говорит о хорошо продуманном плане восстания. Убит начальник полиции полицмейстер Манжос.
 - b. Убиты: артиллерийский генерал Менес, что опять говорит о плане восстания, ибо после этого убийства сложно использовать артиллерию против восставших, а также лекари, судебные приставы, аптекари, провизоры.
2. 23 июля 1831 года.
 - a. Переход на сторону восставших пандемидиссидентов части духовенства. Организация крестного хода (реально – массовой демонстрации горожан) в поддержку восставших, что может быть аргументом в пользу довода о революционности части духовенства в XIX веке.
 - b. Высечены и избиты дубинками оставшихся в живых лекари, приставы и офицеры среднего звена (майоров, полковников).
 - c. Избрание народного суда, что говорит об установлении революционной демократической (т.е. использующей институт выборов) пандемидиссидентской власти в городе. 15 офицеров и представителей городской элиты по приговору народного суда были приговорены к смерти и часть из них обезглавлены. Суровость приговоров достойна осуждения, но антифеодальная направленность решений суда очевидна, что ещё раз доказывает, что:
 - i) перед нами революционный орган;
 - ii) восстание перешло в антифеодальную фазу.
 - d. Провозглашение лозунга: «Всех господ бить!», что говорит о радикализации восстания
3. 25 июля 1831 года.

Переход на сторону восставших пандемидиссидентов войск, посланных на усмирение бунта.
4. 26 июля 1831 года.
 - a. Расширение территории, контролируемой восставшими пандемидиссидентами. Взбунтовались военное поселение в селе Великом в 29 верстах от Старой Руссы.
 - b. Вечером 26 июля правительственные каратели были усилены, и им удалось взять под контроль большую часть Старой Руссы.
5. 28 июля 1831 года.

Контратака восставших. Расширение восстания. Началось восстание в первой гренадерской дивизии в районе Волхова.
6. 30 июля 1831 года.
 - a. Продолжение контратаки восставших. Взбунтовались ещё два полка.
 - b. Перебиты более 120 офицеров.
 - c. Восставшие захватили пушки. Против них был брошен егерский батальон. Произошла перестрелка.
7. 31 июля – 2 августа 1831 года.

Часть правительственных войск объявила своеобразный нейтралитет. Старая Русса реально поделена на три зоны: зона, контролируемая восставшими пандемидиссидентами, зона контролируемая правительственными войсками и зона, контролируемая «нейтральными» войсками. В истории российских революций – ситуация не редкая. Полная

аналогия – поведение «нейтрального» Финляндского полка во время восстания декабристов на Сенатской площади. Очевидец событий в Старой Руссе, полковник А. Ушаков так рассказывает об этом в своих мемуарах: «Унтер-офицер воротился и сказал, что поселяне прорвались через мост, и бьют наповал всех господ и что генералы Леонтьев и Эмме уже убиты. На вопрос наш, что же делают там батальоны 7 егерский и 4 карабинерный он отвечал: «Да ничего. Стоят и смотрят, как господ бьют» [10, с. 13].

8. 3–7 августа 1831 года.

Царём Николаем I были посланы дополнительные части для борьбы с повстанцами, но ситуация в городе принципиально не изменилась.

9. 9 августа 1831 года.

Изменение тактики подавления восстания. Переход от силового давления к псевдопереговорному процессу, переговорам с целью обмана пандемидиссидентов. От имени царя прибывший из Санкт-Петербурга генерал-майор В. Микулин сказал, что император «готов встретиться с руководством восставших и выслушать их требования». Восставшие прекратили вооружённое сопротивление. «Две тысячи восставших организованно двинулись на «встречу с царем». Однако около Ораниенбаума их окружили каратели, арестовали и заковали в кандалы. Оставшиеся в Старой Руссе восставшие были предательски атакованы, окружены, разоружены. Всего арестовано было около шести тысяч человек. Следственная комиссия приговорила три тысячи пандемидиссидентов к наказанию шпицрутенами. Двести человек было забито до смерти» [3, с. 126].

Повторим, что основными критериями высшего проявления революционной активности на определённой территории можно считать: численность восставших, временной критерий, то есть относительно длительное существование территориального протестного, революционного движения, а также властный критерий – функционирование на данной территории революционного органа власти.

Согласно этим критериям, декабристы были слабы. Они контролировали лишь часть Сенатской площади Санкт-Петербурга и так и не смогли создать планируемую революционную диктатуру («диктатор» Трубецкой, как известно, на площадь не пришёл). Восставшие матросы на броненосце «Потёмкин» контролировали часть Одесского порта в течение двух дней, а революционный территориальный орган власти там создан не был. В ходе московского декабрьского восстания два небольших района (Пресня и Симоновская слобода) в течение 7–9 дней находились в руках восставших. Попытки создания революционных органов власти предпринимались, но реально они не работали из-за боевых действий с царскими войсками.

Восстание в Старой Руссе длилось 19 дней. Это в 19 раз дольше восстания декабристов, вдвое дольше восстания на Пресне в 1905 году и на 7 дней дольше восстания на броненосце «Потёмкин». Контролируемая восставшими пандемидиссидентами территория была многократно больше территории, контролировавшейся декабристами и более, чем вдвое большей, чем территория Пресни или портовой зоны Одессы, контролировавшейся восставшими в 1905 году.

Численность восставших пандемидиссидентов в Старой Руссе была минимум вдвое больше численности декабристов, а также примерно в шесть раз больше численности восставших моряков «Потёмкина» (даже с учётом численности восставших команд

броненосца «География Победоносца», эсминца № 267 и учебного корабля «Прут»), а также минимум в 10 раз больше численности восставших дружинников Пресни и Симоновой слободы. Восставшим пандемиодиссидентам в Старой Руссе удалось создать, и не просто создать, а выбрать (!) революционный народный суд, полномочный судебный орган восстания. Такого не было ни на Пресне, ни на броненосце «Потёмкин», ни у декабристов.

Это говорит о высоком уровне организации восставших пандемиодиссидентов, их решимости, демократизме и серьёзной угрозе, которую они представляли для царизма. А потому и расправа над старорусскими пандемиодиссидентами была гораздо более суровой и кровавой, нежели над декабристами или участниками революции 1905 года: примерно в 12 раз больше человек подверглось репрессиям (арестам) за участие в восстании в Старой Руссе, нежели в восстании декабристов и примерно в 40 раз больше, чем за участие в восстании на броненосце «Потёмкин» (с учётом «География Победоносца», «Прута» и эсминца № 267).

Общий вывод

Пандемиодиссидентские восстания в России в XIX веке были гораздо масштабнее восстания декабристов в 1825 году, восстания на броненосце «Потёмкин» или восстания на Пресне в 1905 году. Это доказывает кейс-стади восстания пандемиодиссидентов в Старой Руссе. В ходе многочисленного пандемиодиссидентского восстания контролировались значительные территории, а также создавались полномочные органы революционной власти (народный суд). Силовое подавление масштабного пандемиодиссидентского восстания было невозможно в силу перехода на сторону восставших части армии и части духовенства.

Можно сделать и побочный общественно-политический вывод из нашей работы – о необходимости увековечивании памяти поручика Соколова, лидера пандемиодиссидентов Старой Руссы, как борца за демократию, за личные права граждан, за права пациентов.

Перспективой нашего исследования видится дальнейшая реинтерпретация процесса формирования революционной ситуации в России в начале XX века, отказ от неверного ленинского положения о «трёх этапах революционного движения в России» (которое, увы, фактически присутствует даже в школьных учебниках по истории России), дополнение её положениями о значимой роли пандемиодиссидентских восстаний XIX века как части российского революционного демократического движения и важной роли, не только дворян, рабочих, солдат и крестьян, но и городского мещанства и духовенства в революционном движении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вальдин А. С. Социально-политическая борьба накануне и во время Декабрьского (1905 г.) вооруженного восстания в Москве: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. — М.: Московский государственный университет, 2000. — 243 с.
2. Гессен С. Я. «Холерные бунты». (1830–1832 гг.). — М.: Изд-во Всесоюзного общества политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1932. — 65 с.
3. Левчик Д.А. Пандемии и общество: социальные и политические последствия главных пандемий в истории человечества от «юстиниановой» чумы до ковида / Д. Левчик. — СПб.: СУПЕР Издательство, 2022. — 208 с.
4. Левчик, Д. А. Пандемиологический фактор при оценке экономического развития России второй половины XIX века. Постановка вопроса / Д. А. Левчик // Вестник Университета мировых цивилизаций, 2023. — Т. 14, № 3(40). — С. 71–75.

5. Ленин В. И. Памяти Герцена // Полн. Собр. Соч. — М.: Политиздат, 1968. — Т. 21. — С. 255–262.
6. Кардашев Ю. П. Восстание. Броненосец «Потемкин» и его команда. — Киров: ОАО «Дом печати – Вятка», 2008. — 544 с.
7. Нечкина М. В. Декабристы / 2 изд., испр. и доп. — М.: Наука, 1984. — 202 с.
8. Пирошков Н. М. Генерал-лейтенант Эмме // Русская старина. — СПб, 1874. — Т. 9, №3. — С. 565–566.
9. Слезкинский А. Г. Бунт военных поселян в холеру 1831 года // Исторический вестник, 1893. — Т. 53, № 8. — С. 390–402.
10. Ушаков А. Ф. Холерный бунт в Старой Руссе. 1831. Рассказ очевидца // Русская старина. — СПб., 1874. — Т. 9, № 1. — С. 10–27.

Levchik Dmitry Aleksandrovich

University of World Civilizations named after V.V. Zhirinovsky, Moscow, Russia

E-mail: levchik63@rambler.ru

The uprising in Staraya Russa in 1831 (the so-called "cholera riot") as the highest stage of the pandemic dissident revolutionary movement of the XIX century in Russia

Abstract. The relevance of this article is determined by the need to carefully assess the mechanism of the formation of the revolutionary situation in Russia at the beginning of the 20th century, to reinterpret the traditional approach to the study of the prerequisites of the 1917 revolution, based, unfortunately, on the utopian idea that this revolution was a consequence of the development of the "nobility, different ranks and proletarian stages" of the revolutionary movement in Russia. In addition, it is necessary to once again present to the scientific community our hypothesis about the significant role of the pandemic dissident revolutionary movement in the history of Russia and its significant contribution to the fight against tsarism. The purpose of the article is to analyze the uprising in Staraya Russa in 1831 (the so-called "cholera riot") as the highest stage of the pandemic dissident revolutionary movement in Russia in the 19th century. The objectives of the article are: to give a thorough empirical description of the uprising in the terminology of our new concept, which speaks of the presence in our country in the 19th century of the pandemic dissident movement as an integral part of the revolutionary movement and as a manifestation of the struggle of the masses for the rights of patients, as well as for individual rights; to conduct a comparative analysis of the indicators of the uprising of pandemic dissidents in Staraya Russa in 1831 and the most famous uprisings of the 19th and early 20th centuries in Russia, which allows us to draw conclusions about the degree of significance of the pandemic dissident movement. Case study methods and reinterpretation of published data were used in the work. The main conclusion of the article is that the pandemic dissident uprisings in Russia in the 19th century were much larger than the Decembrist uprising in 1825, the uprising on the battleship Potemkin or the uprising on the Presnya in 1905. In the course of the numerous pandemic dissident uprisings, large territories were controlled, and authorized bodies of revolutionary power (the people's court) were created. The forcible suppression of the large-scale pandemic dissident uprising was impossible due to the defection of part of the army and part of the clergy to the side of the rebels. The prospect of the research is a further reinterpretation of the process of formation of the revolutionary situation in Russia at the beginning of the 20th century.

Keywords: the history of Russia; pandemics; cholera; revolution; rebellion; pandemic dissidence